Белый клык

Автор:
Джек Лондон

Белый клык

Джек Лондон

«Белый клык» – приключенческая повесть известного американского писателя и общественного деятеля Джека Лондона (англ. Jack London, 1876-1916). *** Это история одомашненного волка, показанная глазами братьев наших меньших. Сменяющаяся череда хозяев Белого Клыка лишь подтверждает многообразие человеческих характеров. Другими выдающимися произведениями Джека Лондона являются «Любовь к жизни», «Зов предков», «Приключение», «До Адама», «Игра», «Железная пята», «Время-не-ждёт» и «Дочь снегов». Джек Лондон стал автором многочисленных «северных» романов, повествующих о судьбе суровых обитателей Аляски с их жизнеутверждающим оптимизмом и верой в будущее.

ДЖЕК ЛОНДОН

БЕЛЫЙ КЛЫК

ЧАСТЬ I

ГЛАВА I – ОХОТА НА ДОБЫЧУ

Темный еловый лес хмуро надвигался по обе стороны замерзшей реки. Ветер обнажил деревья, сорвав с них белый ледяной покров и, казалось, они тянулись друг к другу, черные и зловещие, в сумрачном свете. Бескрайняя тишина царила в этих краях. Это был пустынный, застывший, без признаков жизни край, настолько угрюмый и холодный, что дух, витавший здесь, нельзя даже было назвать унынием. Здесь словно слышался смех, но смех, внушающий больше ужаса, нежели тоска – смех, лишенный радости, подобный смеху сфинкса, холодный, словно стужа, пугающий своим равнодушием. Здесь царила молчаливая мудрость вечного бытия, насмехающаяся над ничтожностью жизни и над попытками сохранить ее. Хозяйкой здесь была дикая природа, свирепый, безжалостный дикий Север.

Но все же где-то в этих краях бунтовала жизнь. По замерзшей реке с трудом пробиралась упряжка ездовых собак. Жесткий мех на них покрылся ледяной коркой. Их дыхание мгновенно замерзало, как только вырывалось наружу резким потоком клубящегося пара, оседая на шерсти, и превращаясь в ледяные кристаллы. На собаках была кожаная упряжь, и кожаные постромки крепили ее к саням, которые тащились позади. Упряжкой никто не управлял. Сани были изготовлены из крепкой бересты и, не имея полозьев, плавно скользили по снегу. Передок саней загибался кверху, в виде завитка, что не давало им перевернуться под большим наплывом рыхлого снега, нараставшего волнами впереди. На санях, надежно закрепленный, лежал длинный, узкий ящик. Там были и другие вещи – одеяла, топор, кофейник, сковородка, но больше всего места занимал длинный, узкий ящик.

Впереди собак на снегоступах шел человек, с трудом прокладывая себе путь. Позади саней, тяжело перебирая ногами, следовал другой. На санях же, в ящике, лежал третий, чей путь был окончен, – человек, над которым дикая природа одержала победу, сломив его, не дав возможности идти вперед и бороться дальше. Движение в дикой природе всегда встречало сопротивление. Жизнь нарушает этот закон, ведь жизнь и есть движение, а природа всегда стремится его остановить. Она покрывает воду льдом, не давая ее водам доплыть до моря, гонит сок по деревьям, пока те не промерзают до самой своей крепкой сердцевины, но сильнее всего обрушивает она свою ярость и жестокость на человека, заставляя подчиниться себе – человека, в ком пламя жизни горит ярче, чем в чем-либо другом, который неутомимо восстает против заявления о том, что любое движение в конце концов прекратиться.

И все же впереди и позади упряжки, бесстрашные и упрямые, с усилием воли прокладывали свой путь двое людей, в ком все еще теплились искры жизни. На них была одежда из меха и мягкой дубленой кожи. Ресницы, щеки и губы их покрылись льдинками от замерзшего дыхания, которые скрывали под собой их лица. Казалось, будто на них были одеты призрачные маски, и они собирались хоронить некий призрак в нереальном мире. Но на самом деле, они были людьми, ступившими на пустынную землю, которая лишь насмехалась над ними и не предлагала ничего, кроме тишины; они были измученными искателями приключений, возжелавшими грандиозной авантюры, и бросившими вызов превосходству этого мира, который казался им таким же далеким, чужим и равнодушным как космическая бездна.

Они шли молча, сохраняя силы для ходьбы. Вокруг не было слышно ни звука, и эта тишина давила грузом своего присутствия. Она действовала на них так, как на водолаза действует давление воды на большой глубине. Она давила на них грузом бесконечности и неизменности своего закона. Она врывалась в отдаленные уголки их сознания, извлекая из них, словно сок из винограда, весь ошибочный энтузиазм, восторг и чрезмерную самоуверенность человеческого существа, заставляя почувствовать конечность жизни, свою ничтожность, ощутить себя мошками, которые неловко и слепо пробираются среди действия и взаимодействия могущественных, невидимых сил природы.

Прошел час, за ним – другой. Когда пасмурный день постепенно начал сменяться ночью, в застывшем воздухе вдруг раздался далекий, слабый волчий вой. Он стремительно усиливался, выказывая неистовое возбуждение, и достигнув самой высокой ноты, будоража какое-то время воздух дрожащим напряжением, медленно утих. Его можно было бы принять за стенания заблудшей души, если бы он не был пропитан мрачной свирепостью и нетерпеливым голодом. Человек, который шел впереди, обернулся и встретился взглядом с идущим позади, от которого его отделял длинный, узкий ящик. Они кивнули друг другу.

Снова послышался вой, пронизывая собой тишину, словно иголками, и люди уловили, откуда он доносился. Вой раздавался позади них, где-то из заснеженных просторов, оттуда, где они недавно проходили. Третий ответный вой прервал тишину, снова позади, левее предыдущего.

– Они идут по нашему следу, Билл, – произнес человек, который шел впереди.

Его голос был хриплым и как будто ему не принадлежал. Казалось, ему было сложно говорить.

– Едва ли им фартит здесь на добычу, – ответил его товарищ. – Я не встречал заячьих следов уже несколько дней.

Люди стихли, хотя продолжали прислушиваться к охотничьему вою, который раздавался позади.

С наступлением темноты они повернули собак к кучке елей, растущих на берегу реки, и остановились на привал. Гроб, поставленный у костра, служил скамейкой и столом. Ездовые собаки, скучковавшись по другую сторону у огня, рычали и дрались между собой, но не выказывали ни малейшего намерения отбиться от стаи и убежать в темноту.

– Мне кажется, Генри, они подошли к огню ближе, чем обычно, – заметил Билл.

Генри, присев у костра, готовил кофе, ставя кофейник с кусочком льда на огонь, и в ответ только кивнул. Он не проронил ни слова, пока не сел на ящик и не приступил к еде.

– Собаки знают, где их шкуры в безопасности, – сказал он. – Здесь их брюха сыты, а убегут – станут кормом для диких зверей. Они не глупы, эти собаки.

Билл покачал головой:

– Ну не знаю, не знаю.

Его товарищ с интересом взглянул на него.

– Впервые слышу, чтобы ты засомневался в их разумности.

– Генри, – ответил тот, задумчиво пережевывая бобы, – может ты заметил, как собаки дрались, когда я кормил их?

– Они хулиганили больше обычного, – согласился Генри.

– Сколько у нас собак, Генри?

– Шесть.

– Однако, Генри… – Билл остановился на мгновение, чтобы осмыслить его слова. – Я хотел сказать, Генри, у нас шесть собак. Я достал из мешка шесть рыб. Дал по одной рыбе каждой собаке и, Генри, одной собаке рыбы не хватило.

– Ты посчитал неверно.

– У нас шесть собак, – вновь спокойно повторил Билл. – Я достал шесть рыб. Одноухому рыбы не досталось. Я вернулся к мешку и достал ему еще одну рыбу.

– У нас только шесть собак, – сказал Генри.

– Генри, – продолжал Билл. – Я не утверждаю, что все они были собаками, но всего семеро получило по рыбе.

Генри перестал жевать и взглянул поверх костра, чтобы пересчитать собак.

– Сейчас их только шестеро, – произнес он.

– Я видел, как одна убегала прочь, – заявил Билл со спокойной уверенностью. – Их было семь.

Генри сочувственно посмотрел на своего товарища и произнес:

– Я буду крайне счастлив, когда это путешествие закончится.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил Билл.

– Я хочу сказать, что груз, который мы везем, действует тебе на нервы и тебе начинает мерещиться всякая чепуха.

– Я думал об этом, – мрачно ответил Билл. – Но только вот, когда она убегала прочь, я заметил на снегу ее следы. Я пересчитал собак и снова насчитал

шестеро. Следы остались там, на снегу. Хочешь на них взглянуть? Я тебе покажу.

Генри ничего не ответил, а продолжал молча жевать, пока не доел свой ужин, запив его кофе. Он вытер рот тыльной стороной ладони и произнес:

– Ты хочешь сказать, что это был… – Протяжный, отчаянно тоскливый вой из темноты прервал его. Он остановился, чтобы прислушаться, затем, махнув рукой туда, откуда раздался вой, закончил, – один из них?

Билл кивнул.

– Похоже на то. Другого объяснения нет. Ты же сам заметил, как шумели собаки.

Один за другим доносился вой, которому вторили ответные завывания, превращая тишину в безумие. Вой раздавался со всех сторон и собаки обнаружили свой страх, прижавшись друг к другу, и подобравшись к костру так близко, что пыл от огня стал опалять им шерсть. Билл подкинул хвороста в костер, и закурил трубку.

– Мне кажеться, ты немного пал духом, – произнес Генри.

– Генри… – он задумчиво потянул трубку, а затем продолжил. – Генри, я думаю, ему повезло намного больше, чем нам с тобой.

Он дал понять, что говорит о третьем человеке, показав большим пальцем вниз, на ящик, на котором они сидели.

– Ты и я, Генри, когда умрем, окажемся счастливчиками, если поверх наших останков положат достаточно камней, чтобы собаки не растащили нас по кусочкам.

– Ты прав, у нас нет ни прислуги, ни денег как у него, – согласился Генри. – Никто не согласился бы вести нас хоронить так далеко, не получив за это хорошей платы.

– Чего я не могу понять, Генри, так это зачем этот парень, будучи лордом или кем бы он ни был у себя на родине, которому никогда не приходилось волноваться о еде и одеялах, зачем ему понадобилось тащиться в забытое богом место на краю света – это выше моего понимания.

– Он мог бы дожить до глубокой старости, если бы остался дома, – согласился Генри.

Билл хотел было что-то сказать, но передумал. Вместо этого он указал на стену мрака, напиравшую на них со всех сторон. В кромешной тьме нельзя было разглядеть силуэт, зато была видна пара светящихся, словно горящие угли глаз. Генри кивнул головой на другую пару глаз, затем на третью. Горящие огоньки появлялись повсюду, окружая их. Время от времени пара глаз двигалась или исчезала, чтобы спустя мгновение появиться вновь.

Волнение собак росло и, охваченные паникой от внезапного испуга, они толпились у самого костра, ежились и подползали к ногам людей. Пытаясь протиснуться, одна из собак упала на горящие угли, после чего послышался ее визг от боли и испуга, а в воздухе запахло паленой шерстью. Суматоха на какое-то мгновение вызвала вокруг них беспокойное метание светящихся глаз и даже заставила их немного отступить, но они снова успокоились, как только собаки стихли.

– Генри, патроны бы нам сейчас очень пригодились.

Билл докурил свою трубку и принялся помогать товарищу расстилать мех и одеяло для ночлега на еловых ветках, которые он настелил на снегу перед ужином. Генри охнул и принялся расшнуровывать мокасины.

– Сколько ты сказал патронов у тебя осталось? – спросил он.

– Три, – послышался ответ. – И хотелось бы мне, чтобы их было триста. Тогда я бы дал им пороху понюхать, черт их дери!

Он гневно помахал кулаком в сторону горящих глаз и принялся ставить мокасины перед костром.

– И я хотел бы, чтобы этому внезапному похолоданию пришел конец, – продолжал он. – Уже две недели температура держится на минус пятидесяти. Еще, Генри, я жалею, что вообще отправился в это путешествие. Не нравится мне все это. Мне как-то не по себе. И раз уж я заговорил о желаниях, то скажу, что мечтаю, чтобы это путешествие закончилось, и чтобы мы с тобой прямо сейчас сидели у камина в Форт-МакГэрри, затеяв игру в криббидж – вот чего бы мне хотелось.

Генри охнул и пополз на кровать. Когда он уже было задремал, голос товарища разбудил его.

– Скажи, Генри, почему собаки подпустили чужака и позволили ему съесть рыбу? Это меня беспокоит.

– Ты слишком много беспокоишься, Билл, – послышался сонный ответ. – Ты таким раньше никогда не был. Прекращай эти разговоры и ложись спать, а утром ты снова будешь в отличной форме. У тебя изжога, вот что тебя беспокоит.

Тяжело дыша во сне, они спали бок о бок, укрывшись одним одеялом. Огонь погас, и горящие глаза, которые метались туда-сюда, подобрались ближе к путникам. От испуга собаки скучковались и то и дело угрожающе рычали, завидев рядом пару глаз. Когда от испуга они зарычали слишком громко – Билл проснулся. Он осторожно вылез из-под одеяла, стараясь не разбудить своего товарища, и подкинул хвороста в огонь. Костер начал снова разгораться и заставил глаза, окружившие их, отдалиться. Он мельком взглянул на сбившихся в кучу собак. Потерев глаза, он присмотрелся повнимательнее. Затем пополз назад на одеяла.

– Генри, – произнес он. – Эй, Генри.

Генри, пробуждаясь ото сна, недовольно простонал:

– Ну что на этот раз?

– Ничего, – послышалось в ответ, – вот только их снова семеро. Я только что считал.

В ответ Генри заворчал и вскоре раздался его храп, говоривший о том, что он снова погрузился в сон.

Утром Генри проснулся первым и разбудил своего товарища. До рассвета еще оставалось три часа, хотя часы уже показывали шесть и Генри в темноте мотался туда-сюда, готовя завтрак, пока Билл собирал одеяла и подготавливал сани и упряжь в дорогу.

– Скажи, Генри, – вдруг спросил он, – сколько ты говорил у нас было собак?

– Шесть.

– А вот и неверно, – объявил Билл с ликованием.

– Снова семь? – поинтересовался Генри.

– Нет, пять. Одна пропала.

– Черт! – выкрикнул яростно Генри, бросая готовку, чтобы пойти пересчитать собак.

– Ты прав, Билл, – заключил он. – Фэтти пропал.

– Он всегда бегал быстрее молнии. Его уже и след простыл.

– У него не было ни единого шанса убежать, – сделал вывод Генри, – они проглотили его живьем. Уверен, он еще поскуливал, когда они пожирали его, черт бы их побрал!

– Он всегда был глупым псом, – сказал Билл.

– Но даже глупый пес не стал бы убегать, обрекая себя на погибель. – Он обвел задумчивым взглядом всех оставшихся собак, наспех определяя качества каждой из них. – Готов поспорить, эти собаки не станут такого вытворять.

– Да их от костра и палкой не отгонишь, – согласился Билл. – Как бы там ни было, я всегда полагал, что с Фэтти что-то неладно.

Такова была эпитафия, погибшему среди северных снегов псу, – менее оскорбительная, чем множество других эпитафий не только собакам, но пожалуй и людям.

ГЛАВА II – ВОЛЧИЦА

Позавтракав и привязав скудные пожитки для привала к саням, люди оставили позади приветливое пламя костра и, окунувшись во мрак, пустились в путь. Сразу же тишину нарушил пронизанный отчаянной тоской вой, которому в темноте и холоде вторили ответные завывания. Вой стих. В девять часов рассвело. К полудню небо на юге окрасилось в теплые розовые краски, пометив вздутие земного шара, которое возвело барьер между полуденным солнцем и северным краем. Но розовые краски вскоре исчезли. Пасмурный день, который продлился до трех часов, сменился полярной ночью, окутавшей мраком пустынный и безмолвный край.

С наступлением темноты охотничий вой, который доносился со всех сторон, начал раздаваться все ближе и ближе – так близко, что несколько раз, ставал причиной переполоха среди бегущих в упряжке собак.

После одной такой суматохи, Билл, который снова построил вместе с Генри собак в упряжке, сказал:

– Хотел бы я, чтобы они нашли кого-нибудь другого для своих охотничьих забав и оставили нас в покое.

– Они страшно действуют на нервы, – мягко согласился Генри.

Они не проронили больше ни слова до тех пор, пока не остановились на привал.

Генри, наклонившись, добавлял лед в кипящий котелок с бобами, когда вдруг вздрогнул, услышав звук от удара, крик Билла и пронзительный визг оттуда, где

стояли собаки. Он выпрямился и успел увидеть темную фигуру, убегающую в темноту. Генри взглянул на Билла, который стоял возле собак, наполовину ликующий, наполовину обескураженный – в одной руке он держал крепкую палку, а в другой – остаток хвоста вяленого лосося.

– Он ухватил половину рыбы, – сообщил Билл, – но я тоже не остался в долгу. Ты слышал его визг?

– Как он выглядел? – поинтересовался Генри.

– Не смог разглядеть. У него четыре лапы, пасть, он покрыт шерстью и похож на собаку.

– Похоже на прирученного волка.

– Этот проклятый ручной волк или кем бы ни был этот зверь, приходит во время кормежки и получает свою порцию рыбы.

Той ночью, сидя после ужина на длинном ящике и потягивая трубки, они заметили, что горящие глаза подобрались к ним ближе прежнего.

– Вот бы здесь появилось стадо лосей или других зверей, тогда бы они пустились в охоту на них, а нас бы оставили в покое, – произнес

Билл.

Хмыкнув, Генри дал понять, что не расположен к разговору и четверть часа они сидели молча: Генри наблюдал за огнем, а Билл за кругом окруживших их глаз, которые сверкали в темноте близ костра.

– Вот бы мы сейчас въезжали в МакГарри, – начал он снова.

– Утихомирь свое «если бы, да кабы», – гневно обрушился на него Генри. – У тебя изжога. Она тебя беспокоит. Прими ложку соды, и ты себя прекрасно почувствуешь и станешь более приятным собеседником.

Утром Генри разбудил поток пламенных ругательств Билла. Он приподнялся на локте, чтобы посмотреть, в чем дело и увидел своего товарища, который стоял посреди собак у распаленного костра – его руки вскинуты вверх в негодовании, а лицо перекошено от гнева.

– Эй! – крикнул Генри. – Что опять случилось?

– Фрог пропал, – послышался ответ.

– Не может быть.

– Говорю тебе, его нет.

Генри выскочил из-под одеял и бросился к собакам. Он тщательно их пересчитал, после чего, вторя своему товарищу, принялся обрушивать ругательства на силы дикой природы, укравших у них еще одного пса.

– Фрог был самым сильным в стае, – наконец заключил Билл.

– А еще он никогда не был глупым, – добавил Генри.

И такова была вторая эпитафия за прошедшие два дня.

Позавтракав в мрачном настроении, люди запрягли четыре оставшиеся собаки в упряжку. Этот день ничем не отличался от предыдущих. Люди молчаливо пробирались по покрытой льдами земле. Тишину нарушал вой их преследователей, которые шли по их следу.

Вскоре после полудня стемнело, и вой волков стал доноситься ближе, когда они по своей привычке начали подбираться к ним. Вой вызывал волнение и переполох среди собак, это сбивало их бег и удручало людей.

«Вот так вот, теперь не сбежите, глупые создания,» довольно произнес тем вечером Билл, когда выпрямившись, он осматривал свою работу.

Генри бросил готовку, чтобы пойти посмотреть. Его попутчик не просто привязал собак, он привязал их так, как это делали индейцы – к палкам. На шею каждой

собаки он завязал в узел кожаный ремень. К нему, так близко к шее, чтобы собака не смогла достать ее зубами, он привязал крепкую палку четырех или пяти футов в длину. Другую сторону палки он закрепил кожаным ремнем к забитому в землю колу. Собаке не удавалось прогрызть ремень у себя на шее. Палка же не давала ей добраться до кожаного ремня, которым она была привязана с другого конца палки.

Генри одобрительно кивнул головой.

– Это единственная хитроумная штуковина, которая сможет удержать Одноухого, – сказал он. – Он разгрызает кожаный ремень, будто ножом режет и вполовину быстрее. Утром все они будут на месте, целы и невредимы.

– Готов поспорить, так и будет, – согласился Билл. – Если хоть одна пропадет, я отправлюсь в путь, не выпив кофе.

– Они знают, что у нас нет патронов, чтобы отстрелять их, – отметил Генри, лежа под одеялом, имея в виду окруживший их сверкающий круг. – Если бы можно было выстрелить в них несколько раз, они бы тогда нас больше боялись. Каждую ночь они подбираются все ближе. Всмотрись в темноту – вон туда! Ты его видел?

Какое-то время люди изумлялись, наблюдая за движением силуэтов возле костра. Они присматривались к темноте, туда, откуда на них сверкала пара горящих глаз, и очертания животного медленно принимали форму. Порой даже было видно, как они двигались.

Внимание людей привлек шум среди собак. Завывая, Одноухий рвался с привязи в темноту, и то и дело бешено набрасывался на палку зубами.

– Посмотри туда, Билл, – прошептал Генри.

В свете костра, бесшумно подкрадывалось похожее на собаку животное. В его движениях одновременно проглядывалось недоверие и решительность; не упуская с виду людей, свое внимание оно сосредоточило на собаках. Одноухий рвался с привязи в сторону незваного гостя и нетерпеливо выл.

– Этот дуралей, не слишком уж напуган, – понизив голос, сказал Билл.

– Это волчица, – прошептал Генри в ответ, – и теперь ясно, как пропали Фэтти и Фрог. Она приманка. Выманивает собаку, а там уж остальные поспевают и съедают пса.

Огонь оживился. Полено развалилось на части, громко затрещав. Услышав треск, чужак отпрыгнул назад в темноту.

– Генри, мне кажется, – сказал Билл.

– Что?

– Мне кажется, это ее я поколотил палкой.

– Ничуть не сомневаюсь в этом, – ответил Генри.

– И надо сказать, – продолжал Билл, – то, что это животное уверенно подходит к костру вызывает подозрения.

– Без сомнений она знает больше, чем известно обычной дикой волчице, – согласился Генри. – Волк, который понимает, когда прийти к собакам, чтобы его накормили, видно делал так не раз.

– У старика Виллэна была собака, которая убежала вместе с волками, – размышлял вслух Билл. – Мне следовало бы догадаться. Я застрелил ее, когда набрел на стаю волков на лосином пастбище, неподалеку от Литл-Стик. И старик Виллэн плакал как ребенок. Он сказал тогда, что не видел ее три года. Все это время Бен жил с волками.

– Я полагаю, твое предположение имеет смысл, Билл. Это не волк, а собака и она ела рыбу из рук человека множество раз.

– И если подвернется случай, я пристрелю ее, – заявил Билл. – Мы не можем позволить себе потерять еще одну собаку.

– Но ведь у тебя всего три патрона, – возразил Генри.

– Я дождусь подходящего момента, – последовал ответ.

Утром Генри разжег костер и приготовил завтрак под звуки храпа своего товарища.

– Ты так крепко спал, – поднимая его к завтраку, сказал Генри. – Не хотелось тебя будить.

Билл сонно принялся за еду. Обнаружив, что в его кружке нет кофе, он засуетился в поисках кофейника. Но кофейник стоял возле Генри, и ему было не дотянуться до него рукой.

– Эй, Генри, – мягко упрекнул его он, – ты ничего не забыл?

Генри тщательно осмотрелся вокруг и покачал головой. Билл приподнял свою пустую кружку.

– Кофе ты не получишь, – заявил Генри.

– Неужели закончился? – забеспокоился Билл.

– Нет.

– Думаешь, он вредит моему желудку?

– Нет.

Лицо Билла покраснело от гнева.

– Тогда будь так добр объяснить, в чем дело и не изводи меня, – сказал он.

– Спэнкер пропал, – ответил Генри.

Билл неспеша повернул голову, с видом человека, который смирился со злоключениями и, не вставая с места, пересчитал собак.

– Как это случилось? – безучастно спросил он.

Генри пожал плечами:

– Не знаю. Может Одноухий перегрыз его ремень. Сам он этого уж точно не смог бы проделать.

– Паршивец, – протянул мрачно Билл, сдерживая ярость, которая кипела у него внутри. – Свой ремень перегрызть не смог, так перегрыз ремень Спэнкера.

– Что ж в любом случае неприятности Спэнкера уже закончились. Я полагаю, что к этому времени он уже переварился и подпрыгивает в брюхах двадцати волков где-нибудь по окрестности, – прозвучала с уст Генри эпитафия последнему пропавшему псу. – Выпей кофе, Билл.

Но Билл покачал головой.

– Ну же, давай кружку, – попросил Генри, поднимая кофейник.

Билл отодвинул кружку в сторону.

– Будь я проклят, если выпью кофе. Я же сказал, что если какая-то из собак пропадет, то не буду пить, значит не буду.

– Кофе невероятно вкусный, – уговаривал его Генри.

Но Билл не поддавался и съел завтрак всухомятку, то и дело осыпая Одноухого проклятиями за его проделку.

– Сегодня вечером я привяжу их так, чтобы они друг до друга не достали, – сообщил Билл, когда они пустились в путь.

Они проехали немного меньше ста ярдов, когда Генри, шедший впереди, подобрал предмет, на который наткнулся снегоступом. В темноте он не смог разглядеть его, но на ощупь понял, что было у него в руках. Он швырнул его назад и, ударившись о сани, предмет поскакал прямо к ногам Билла.

– Может это тебе еще пригодится, – сказал Генри.

Билл вскрикнул. Все, что осталось от Спэнкера это палка, к которой он был привязан.

– Ни шерстинки не оставили, – сообщил Билл. – Они даже ремни с палки сожрали. Они чертовски голодны, Генри, и боюсь, они сожрут нас еще до того как мы доберемся до места.

Генри дерзко рассмеялся:

– Волки еще никогда не преследовали меня, но мне пришлось попадать и не в такие передряги, из которых я выходил целым и невредимым. Билл, дружище, группка назойливых тварей, это еще не повод волноваться.

– Не знаю, не знаю, – с ноткой ожидания недоброго в голосе, пробормотал Билл.

– Что ж, ты это наверняка узнаешь, когда мы приедем в МакГэрри.

– Мне бы твою уверенность, – с сомнением твердил Билл.

– Ты просто не в форме, вот и беспокоишься, – категорично заявил Генри. – Тебе нужен хинин, и я собираюсь напичкать тебя им под завязку, когда мы доберемся до МакГэрри.

Билл вздохнул, выражая свое несогласие с поставленным ему диагнозом и затих. Этот день ничем не отличался от предыдущих. В девять часов рассвело. В двенадцать часов горизонт на юге оживился лучами скрытого от взора солнца, а после полудня все погрузилось в серый мрак, который три часа спустя сменился ночью.

Как только первые солнечные лучи показались на горизонте, Билл вынул из саней ружье и сказал:

– Иди дальше, Генри, а я погляжу, что мне удастся разведать.

– Не отходи от саней, – возразил его товарищ. – У тебя всего три патрона и не известно, что тебя там ждет.

– И кто теперь ворчит? – ликующе заявил Билл.

Генри ничего не ответил и, тяжело ступая, в одиночестве побрел дальше, хотя не переставал оглядываться, бросая тревожные взгляды на серую пустыню, в которой скрылся его друг. Прошел час, прежде чем Билл вернулся, срезав путь.

– Они рассредоточились, – сказал он, – от нас не отстают и в то же время ищут, чем бы поживиться. Они уверены в том, что доберутся до нас, вот только знают, что нужно выждать, а до тех пор разыскивают по пути любую съедобную живность.

– То есть ты считаешь, они уверены в том, что доберутся до нас, – неодобрительно подчеркнул Генри.

Но Билл проигнорировал его.

– Я видел несколько – кожа да кости. Мне кажется, они неделями ничего не ели, не считая Фэтти, Фрога и Спэнкера, а многим наверняка и того не перепало. Они страшно тощие. Их ребра похожи на стиральную доску, а брюха словно прилипли к позвоночнику. Они в отчаянье, поверь мне. Рано или поздно они взбесятся, и тогда берегись.

Несколько минут спустя Генри, который теперь шел позади, тихо и предостерегающе просвистел. Билл обернулся посмотреть, в чем дело, а после медленно остановил собак. Позади, там, где они только что свернули, прямо по их следам бежал крадучись тощий, покрытый мехом зверь. Он принюхивался к следу и бежал легкой рысью. Когда они остановились – остановился и он. Подняв голову, он пристально взглянул на них, резко дергая при этом ноздрями, изучая их запах.

– Это волчица, – решил Билл.

Собаки легли на снег, и он направился мимо них к своему товарищу, который стоял около саней. Вместе они наблюдали за странным животным, которое преследовало их много дней и уже расправилось с половиной их собак.

Внимательно изучив их, зверь подбежал рысью на несколько шагов. Так он проделал несколько раз, пока между ними не осталось каких-то сто ярдов. Он остановился рядом с кучкой растущих елей, поднял голову и стал принюхиваться и рассматривать снаряжение наблюдающих за ним людей. В его взгляде читалась странная тоска, с которой смотрит собака, но тоска эта не напоминала собачей привязанности. Эту тоску порождал голод, такой же жестокий, как и его собственные клыки, такой же беспощадный, как стужа.

Животное было слишком большим как на волка, его изможденное тело выдавало черты одной из самых крупных особей своего вида.

– У нее что-то около двух футов с половиной в плечах, – заметил Генри. – И готов поспорить, что она почти пять футов длиной.

– Какой-то странный у нее окрас, разве у волков такой бывает? – с сомнением произнес Билл. – Я раньше никогда не видел рыжего волка. Как по мне так у нее шерсть какого-то коричнево-красного цвета.

Зверь определенно не был коричнево-красного цвета. У него была поистине волчья шерсть. Его мех был преимущественно серого цвета, но все же имелся и рыжеватый оттенок, этот оттенок менялся, он то появлялся, то исчезал, и создавалось впечатление оптического обмана: вот казалось, что мех серый, определенно серый, а затем появлялись едва уловимые оттенки рыжего, и мех принимал неопределенный окрас.

– Похожа на ездовую лайку, – сказал Билл. – Я бы не удивился, если бы она замахала хвостом.

– Эй ты, лайка! – позвал он. – Иди сюда, как там тебя зовут.

– Ничуточки тебя не боится, – засмеялся Генри.

Билл пригрозил рукой и громко закричал, но животное это совсем не спугнуло.

Единственное, что они смогли заметить, так это то, что зверь насторожился пуще прежнего. Он по-прежнему наблюдал за ними с безжалостной голодной тоской. Они были добычей, а он был голоден, и если бы ему представилась

возможность он, недолго раздумывая, набросился бы на них и поживился.

– Смотри, Генри, – произнес Билл, бессознательно понизив голос до шепота, когда надумал что-то. – У нас есть три патрона. Отсюда выстрел будет верным. Не промахнемся. Она выманила три наши собаки, нужно положить этому конец. Что ты на это скажешь?

Генри кивнул в знак согласия. Билл осторожно вытащил ружье из саней. Он уже почти приложил ружье к плечу, как вдруг волчица отпрыгнула прочь от дороги и скрылась за деревьями.

Товарищи посмотрели друг на друга. Генри протяжно и понимающе просвистел.

– И почему я сразу не сообразил, – бранил вслух себя Билл, укладывая ружье обратно. – Конечно же волк, который знает когда нужно прийти, чтобы покормиться вместе с собаками, знает, что такое ружье. Поверь мне, Генри, эти твари причина всех наших проблем. У нас сейчас было бы шесть собак, вместо трех, если бы не она. И вот что, Генри, я собираюсь добраться до нее. Она слишком умная, чтобы застрелить ее в открытую. Я нападу на нее неожиданно, устрою ей засаду. Я буду не я, если не пристрелю волчицу.

– Не слишком увлекайся, – предостерег его товарищ. – Если эта стая нападет на тебя, тогда три пули покажутся простым свистом – от них будет мало толку. Эти звери чертовски голодны и, напав, они без сомнений доберутся до тебя, Билл.

Той ночью они рано остановились на привал. Три собаки не справлялись в упряжке так, как справлялось шестеро. Они тянули сани медленнее и быстрее выбились из сил. Люди рано легли. Перед сном Билл привязал собак подальше друг от друга, убедившись, что они не перегрызут друг другу ремни.

Но волки стали бойчей и люди несколько раз пробуждались ото сна. Волки подбирались так близко, что испуганные собаки поднимали гвалт, и приходилось время от времени подбрасывать хворост в огонь, чтобы держать осмелевших хищников на более безопасном расстоянии.

– Когда-то моряки рассказывали, как акулы преследуют корабль, – заметил Билл, забираясь назад под одеяло, после того как в очередной раз подкинул хворост в огонь. – Что ж, эти волки – те же акулы, только на суше. Они знают свое дело

лучше нашего, и они бегут за нами не для того, чтобы поправить свое здоровье. Они доберутся до нас, без сомнений они доберутся до нас, Генри.

– Они уже до тебя почти добрались, раз ты ведешь такие разговоры, – резко возразил Генри. – Кто порки боится, тот наверняка будет побит. А у тебя больше шансов пойти волкам на корм, если и дальше будешь хныкать.

– Они убивали людей получше нас с тобой, – ответил Билл.

– Ох, прекрати брюзжать. Я уже устал от твоего нытья.

Генри сердито повернулся на другой бок, но удивился, когда не услышал от Билла возмущенного ответа. Это было не похоже на Билла, ведь его всегда было легко разозлить гневными речами. Прежде чем уснуть, Генри еще долго раздумывал над этим и когда его веки уже закрывались, в полудреме он подумал:

– Билл без сомнений очень подавлен. Нужно будет его завтра подбодрить.

ГЛАВА III – ГОЛОДНЫЙ ВОЙ

День начался удачно. За ночь они не потеряли ни одной собаки и с этим пустились в путь, в котором их сопровождала тишина, мрак, стужа, и мистические духи северного сияния. Билл, казалось, позабыл свое дурное предчувствие, охватившее его прошлой ночью, и даже весело дурачился с собаками, когда в полдень сани перевернулись на неблагоприятной части их маршрута.

Началась страшная неразбериха. Сани лежали кверху дном, зажатые между деревом и огромным камнем и им пришлось распрячь собак, чтобы расправить спутавшуюся упряжь. Люди наклонились над санями, пытаясь их перевернуть, как вдруг Генри заметил, что Одноухий понемногу отходит от них.

– Одноухий, ко мне! – закричал он, выпрямившись и обернувшись к собаке.

Но тот бросился бежать прочь, волоча за собой постромки. И там, где они недавно проехали, стояла она – волчица, и ждала его. Когда он приблизился к ней, то внезапно насторожился. Встревожившись, он замедлил бег до шага, а затем остановился. Он разглядывал ее настороженно и неуверенно, но при этом увлеченно. Она, казалось, улыбнулась ему, обнажив свои зубы скорее заигрывая, чем запугивая. Волчица игриво подошла к нему на несколько шагов и остановилась. Навострив уши и подняв хвост кверху, все также неуверенно и осторожно, Одноухий потянулся к ней приподнятой головой.

Он попытался обнюхать ее, но она игриво отпрыгнула назад. Каждый раз, как он подступал, она отпрыгивала прочь. Шаг за шагом она заманивала его и отдаляла от людей, которые могли защитить. Вдруг, как будто смутный сигнал тревоги промелькнул в его сознании и, повернув голову, он взглянул на перевернутые сани, на своих собратьев и на двух зовущих его людей.

Но какие бы мысли не зарождались в его голове, их развеяла волчица; приблизившись к нему, она бегло понюхала его нос к носу, а затем снова принялась игриво увлекать за собой.

Тем временем, Билл вспомнил о ружье. Но оно лежало под перевернутыми санями и к тому времени, как они с Генри достали его, Одноухий и волчица уже стояли слишком близко друг к другу, а расстояние для выстрела было слишком большим.

Когда Одноухий осознал свою ошибку, было слишком поздно. Еще толком не разобрав, что происходит, люди увидели, как он развернулся и бросился бежать назад к ним. В следующую секунду они увидели, как по снегу несется дюжина тощих, серых волков. Они бежали перпендикулярно дороге, отрезая Одноухому путь к отступлению. В ту самую секунду игривость волчицы улетучилась. Зарычав, она набросилась на Одноухого. Он оттолкнул ее плечом и, несмотря на то, что путь к отступлению был перекрыт, он все же намеревался добраться до саней, изменив свой курс в надежде добежать до них в обходную. С каждой секундой волков появлялось все больше и больше, и они присоединялись к погоне. Волчица бежала в прыжке от Одноухого и не сбавляла ход.

– Куда ты собрался? – внезапно спросил Генри, схватив своего товарища за руку.

Билл вырвался.

– Я этого не потерплю, – сказал он. – Они не получат больше ни одной нашей собаки, пока я могу этому помешать.

С ружьем в руке, он бросился в подлесок около дороги. Его намерение было довольно очевидным. Определив сани за центр круга, который преодолевал Одноухий, Билл намеревался защитить его, встав на пути его преследователей. С ружьем в руках при свете дня, был шанс напугать волков и спасти собаку.

– Эй, Билл! – крикнул Генри ему вслед. – Будь осторожен! Не испытывай судьбу!

Генри опустился на сани и принялся наблюдать. Больше ему ничего не оставалось делать. Билл уже исчез из виду, а Одноухий то появлялся, то исчезал среди кустарников и негусто растущих еловых деревьев. Генри подумал про себя, что его уже ничего не спасет. Собака остро чувствовала опасность, но оббегала слишком большой круг, тогда как круг волчьей стаи был меньше. У Одноухого не было ни единого шанса оторваться от своих преследователей настолько, чтобы успеть пробежать мимо них, пересекая при этом их путь, и добежать до саней.

Все они стремительно приближались к одной точке. Генри знал, что где-то там, в снегах, скрытые его взору за деревьями и зарослями, волчья стая, Одноухий и Билл вот-вот сойдутся вместе. В мгновение ока, намного быстрее, чем он ожидал, это случилось. Раздался выстрел, за ним последовало еще два; все они прозвучали без заминки, один за другим, и он понял, что у Билла больше не осталось патронов. Он услышал рычание и визг. Среди доносившегося шума он смог различить визг Одноухого, в котором слышалась боль и ужас, раздался также вой волка, что выдал раненного зверя. А потом все закончилось. Рычание стихло. Визг умолк. Тишина снова покрыла пустынные земли.

Он долго сидел на санях. Не было необходимости идти и смотреть, что там случилось. Он уже и так все знал, как будто видел произошедшее своими собственными глазами. Только один раз он поспешно встал и торопливо вытянул топор. Но затем снова присел, надолго погрузившись в тягостные размышления, а две уцелевшие собаки дрожали и жались к его ногам.

Наконец он устало поднялся, так, словно твердость духа покинула его, и продолжил запрягать собак. Генри перекинул постромок через плечо и потянул сани вместе с собаками. Он не успел далеко отойти. С первыми сумерками он

поторопился сделать привал и позаботился о том, чтобы насобирать побольше дров для костра. Покормив собак, он приготовил ужин, а после ужина постелил одеяла поближе к огню.

Но отдохнуть ему так и не удалось. Прежде чем он смог закрыть глаза, волки подошли угрожающе близко. Больше не было необходимости всматриваться, чтобы их разглядеть. Они окружили его узким кругом, и он ясно видел их в свете костра – одни лежали, другие сидели, ползли к нему на брюхе или же расхаживали взад и вперед. Некоторые даже спали. То там, то тут он видел, как они дремали, свернувшись в клубок, зарывшись в снег, как собаки, для него же сон теперь был невозможным.

Он поддерживал яркий огонь в костре, зная, что только он и останавливал их от того, чтобы впиться своими голодными клыками в его плоть. Лая и поскуливая, две его собаки, не отходя ни на шаг, прижимались к нему с обеих сторон в поисках защиты, а когда волк подходил ближе привычного, они начинали отчаянно рычать. Заслышав рычание собак, круг волков оживал и они, поднимаясь на лапы, делали попытки подобраться ближе, безудержно рыча и воя. После круг снова утихал и то там, то здесь волки снова ложились, погружаясь в дремоту.

Но их круг постоянно сужался. Понемногу, каждый раз на дюйм. Иногда волки подползали настолько близко, что в итоге оказывались почти на расстоянии прыжка. Тогда он брал из костра деревяшки побольше, и с силой швырял их в стаю. За этим всегда следовало резкое отступление волков. Оно сопровождалось яростным воем и испуганным рычанием, когда хорошо нацеленная деревяшка попадала и обжигала осмелевшего зверя.

Утро Генри встретил усталым и измотанным, и силился не уснуть после бессонной ночи. Затемно он приготовил завтрак и с рассветом, в девять часов, когда волчья стая начала отступать, он принялся за выполнение работы, о которой размышлял долгими часами этой ночью. Срубив несколько молодых деревьев и привязав их повыше к стволам растущих елей, он соорудил помост. Взяв веревку от саней и перекинув ее через помост, с помощью собак он поднял гроб наверх.

– Они добрались до Билла и возможно доберутся до меня, но они определенно никогда не доберутся до вас, юноша, – обратился он к мертвецу, который теперь покоился в своей могиле на деревьях.

Затем Генри пустился в путь. Сани, став легче, подпрыгивали позади усердно бегущих собак – они тоже знали, что окажутся в безопасности лишь тогда, когда доберутся до Форт-МакГэрри. Волки вкрай осмелели и теперь бежали рысью позади и по обе стороны саней, высунув красные языки и демонстрируя исхудалые бока, на которых с каждым движением проступали холмы ребер. Они были ужасно тощими, просто кости, обтянутые кожей с тонкими жилками вместо мускул – такими тощими, что Генри подумал, это чудо, что они еще держатся на ногах, а не валяться прямо в снег. Он побоялся путешествовать дотемна. В полдень, солнце не только озарило южный горизонт, но даже показало на небе свою бледную золотистую верхушку. Для него это было предупреждением. Дни становились длиннее. Солнце дольше радовало своим теплом. Но как только бодрящие лучи начали исчезать, он остановился на привал. Оставалась еще пара часов угасающего дня и мрачных сумерек, и он воспользовался ими, чтобы нарубить побольше дров. Ночь превратилась в кошмар. Осмелевшие волки и недостаток сна сказались на Генри. Дрем одолевал его против воли и он, согнувшись, сидел у костра с накинутыми на плечи одеялами, зажав топор между коленями, а по обе стороны от него, тулились собаки. Однажды проснувшись, меньше чем в дюжине шагов от себя, он увидел большого серого волка, одного из самых крупных в стае. И даже после того, как он посмотрел на него, тот не ушел, а медленно растянулся, в манере ленивого пса, широко зевая и пристально взирая на него, так если бы он поистине был попросту задержавшимся обедом, который скоро подадут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/dzhek-london/belyy-klyk-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити